

Фортели титулованного баритона

Певец должен петь. Выйти на сцену, стать в позу и запеть. И никаких гвоздей.

— Э, довольно! Старо, — скажет нетерпеливый читатель.

А мы и не думаем спорить. Композитор должен сочинять, писатель — писать, дирижер — дирижировать. А певец должен и обязан петь. Тем более, если он облечен почетным званием народного артиста республики и соответствующим образом высоко оплачивается по рангу ведущего солиста.

А один вот не поет. Не то что не может — не хочет. Почему? Этого никто толком не знает. Одни утверждают, что по утрам он встает не с той ноги. Другие полагают, что он страдает хроническим катаром верхних дыхательных путей. Третьи... Неделями, месяцами, годами думают. И ничего не могут придумать.

А все вместе, как персонажи известной сказки, мучительно думают: «Что ж нам делать? Как нам быть?» Неделями, месяцами, годами думают. И ничего не могут придумать.

Да, да, годами, ибо непьющий певец, а конкретно, — лирический баритон Идрис Агаларов, снискал эту печальную известность в оперном театре много лет назад. И причиной тому — безудержная любовь к собственной персоне и к деньгам.

Началось еще в дни, когда Агаларов ходил в фаворитах. Тогда он был молод и не столь нагл и самоуверен, как сейчас. Но симптомы «звездной болезни» уже давали о себе знать. Сочетание двух этих пороков — самовлюбленности и алчности — и не привело его к добру. В оперном театре этого сразу не заметили, не взяли вовремя за Агаларова, запустили болезнь.

Упущение оказалось роковым. И не столько для Агаларова, сколько для всего коллектива.

Сперва комсомолец Агаларов отказался платить членские взносы. Его переубеждали, но это подействовало, как слабительное при головной боли.

— Хочу — плачу, хочу — не плачу! — срывался на фальцет баритон. — Что? Исключите?! Наплевать!..

И его, конечно, исключили. За это он крепко «обиделся» на оперу. Свою обиду Агаларов выражал весьма оригинально. Перестал кланяться, на вопросы не отвечал, в разговоры не вступал. А при случае, таинственно понижая голос, заявлял, что вокруг — одно жулье, что всех он выведет на чистую воду.

— На то мне даны особые права! И, клянусь вам, я воспользуюсь ими, — говорил он и для пушей убедительности опускал руку в задний карман...

В театре, понятно, его невзлюбили. А некоторые и побанались. По этому праву Агаларов на репетиции являлся, когда ему вздумается, к спектаклям не готовился, пел лишь бы спеть, и крепко подружился с «пегушками». Авторитет ведущего солиста с космической быстротой падал и в зрительном зале, и за кулисами.

Ну, а Агаларов, чувствуя свою «неуязвимость», нагнел с каждым днем. Не понравилось что-то в режиссерских наметках С. Дадашева, когда готовились к постановке «Паццы», и он, нахамив, ушел с генеральной репетиции. Другой раз объектом гнева ведущего солиста стал приглашенный из Воронежа режиссер В. Титов, работавший над «Фаустом», где Агаларову была поручена партия Валентина.

И все эти «номера» проходили при полном аншлаге, но без оваций. Иногда о нем говорили, но только в осуждающих тонах и в полумраке артистических уборных. Даже такое «ЧП», как отказ от участия в декаде азербайджанской литературы и искусства в Москве, не стало предметом открытого обсуждения неправомерного поведения Агаларова. Никто даже не осмелился выяснить причину отказа. Зато все хором повторяли формулу, выведенную одной костюмершей: «Пан Агаларов в национальных операх петь не соизволяет».

Так ведь точно так же «не соизволят» они выступать и в классических операх. Подумайте только: за десять месяцев нынешнего года «пан Агаларов» пели всего семнадцать раз вместо 61, положенного по норме. Причем в октябре они «осчастливили» публику лишь однажды.

Все остальные спектакли Агаларов... проболел. Об этом свидетельствуют бюллетени, неудержимым потоком наводняющие бухгалтерию театра. Интересная деталь: бухгалтерию не волнует, кто же снабжает Агаларова бюллетенями. Злые языки утверждают, что на одном из них видны штамп не то мардакянской, не то бузовнинской поликлиники. А Агаларов живет, учтите, в самом центре Баку, по улице Гуси Гаджиева...

В феврале нынешнего года, спустя полмесяца после исключения Агаларова (опять-таки за неуплату членских взносов!) из профсоюза, апробированный «бюллетеневый» вариант «дал осечку». Агаларов, будучи совершенно здоровым, отказался поменять заболевшего во время спектакля коллегу, хотя как дублер обязан был сделать это. И, дабы кое-как отвертеться, он «по инерции» назвал больным и обещал завтра же представить документ. Потом он, видимо, забыл про свое обещание (не может же народный артист все забывать!) и принес больничный лист лишь через три месяца. А за это время ему объявили выговор и удержали из зарплаты 50 рублей.

Правда, путем какой-то замысловатой многоходовой комбинации Агаларову удалось добиться изменения формулировки приказа и заполучить свои денежки обратно. Но это был его последний успех. В дальнейших

своих авантюрах он стал терпеть фиаско.

Первое поражение Агаларову нанесла скромная кассирша из обменного пункта. Дело было так. Агаларов принес 45 тысяч рублей, чтобы обменять их на новые деньги. Кассирша (бывает же так!) ошиблась при подсчете и дала ему на целую тысячу новых рублей больше, что привело «пана Агаларова» в неопишуемый восторг.

Деньги кассирша дала, а взять обратно долго не могла. Ведущий солист битый час отказывался принять представителей милиции в своей квартире. Просто не отзывался ни на стук, ни даже на настойчивые просьбы собственной матери открыть дверь. Лишь когда засовы затрещали под бурным натиском дюжих милицейских плеч, лирический баритон с наглой улыбкой впустил посетителей в переднюю и тоном глубоко обиженной знаменитости изрек:

— Я буду жаловаться!..

Но получилось иначе. Пожаловались на него самого в суд. И суд, выяснив истину и уличив ведущего солиста в мошенничестве, обязал бухгалтерию оперного театра ежемесячно удерживать с Агаларова энную сумму, пока в государственном кармане не восстановится жульническим путем взятая отсюда тысяча рублей.

Думаете, все? Плохо ж вы тогда знаете «пана Агаларова». Не считайте его наивным простачком — ей-ей, он намного коварнее.

Вот, к примеру, некоторые интимные подробности его вояжа на пелину, подробности, обойденные официальными рецензентами. В казахстанских степях Агаларов предстал перед коллегами в истинном свете, показал все свое нутро. Его раздражало и то, что нет в краю новоселов «приличных отелей», и то, что приходится петь «перед какими-то трактористами», и то, что все остальные — а бригада приехала из Баку для шефских концертов — работают с приподнятым настроением.

И «пан Агаларов», не долго думая, решил испортить людям настроение. И артистам, и целинникам. В Джалтыре, близ Целинограда, отлично зная, что артисты после длительного ночного переезда в автобусе устали и нуждаются в отдыхе, Агаларов пообещал внеплановый концерт, хотя его на это никто не уполномочивал. А бригаду об этом специально не предупредил, чтобы сорвать концерт и вызвать недовольство у зрителей. Хорошо, что бакинские артисты нашли в себе силы, выступили, не ударили лицом в грязь.

А Агаларов, спровоцировавший концерт, сам отказался петь. Объяснение его опять было немногословным, нагло-самоуверенным:

— Не желаю! Не заставьте!

* * *

Певец должен петь. Петь так, чтобы его было слышно в самых задних рядах амфитеатра. Петь для всех, кто желает его слушать. Тем более, если он облечен высоким званием народного артиста и возведен в ранг ведущего солиста.

А если он не желает, не место ему в славной когорте деятелей советского искусства. Верно, хоть и поздно, сделал художественный совет солистов оперного театра, вынесший решение ходатайствовать о снятии с Агаларова звания народного артиста республики.

Звание это ему явно не к лицу.

А. КЯЗИМЗАДЕ.